

ХАРАКТЕР И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Вопросы реализма в последнее время в связи с обострением идеологической борьбы в литературоведении стали одними из самых актуальных. Становление и развитие критического реализма привлекает к себе пристальное внимание многих исследователей.

Проблема соотношения характера и обстоятельств неразрывно связана со спецификой реалистической типизации в критическом и социалистическом реализме. В работах о реализме эта проблема теоретически разработана достаточно глубоко и полно¹.

Реалистические характеры в их психологической и социальной детерминированности были созданы в художественной литературе не сразу, и успехи критического реализма в освоении различных сфер жизни не были одинаковыми.

В данной статье на материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» делается попытка проследить за приемами создания реалистического характера русского крестьянина.

Во многих работах, посвященных творчеству Пушкина, изучаются особенности его реализма как уже оформившейся системы отображения жизни. Но сам процесс формирования реалистического метода, процесс художественного освоения широты и многоплановости обстоятельств окружающей жизни как определяющей основы социальной и психологической сущности характера еще не привлек должного внимания ученых.

Когда в современном литературоведении заходит речь о реализме Пушкина, исследователи в первую очередь обращаются к образам Онегина, Ленского, Троекурова, Германа, Гринева, поскольку в разработке характеров этих персонажей полнее всего выразился художественный метод гениального поэта.

Формирование социальной и психологической детерминированности характера, в первую очередь дворян, не было случайным — подобные характеры были более всего разработаны всей предшествующей литературой. Но и в изображении

народа пушкинский метод становится многограннее от произведения к произведению.

В трагедии «Борис Годунов»² народ социально еще не дифференцирован. Это понятие объединяло все демократические сословия: городской служилый люд, ремесленников, купцов, крестьян, то есть все, что не принадлежало к дворянству. «Мнение народное» выявляется в диалогах действующих лиц, в репликах отдельных представителей массы, в ее действиях. В последующих произведениях Пушкин сосредоточивает внимание на четко выраженных социальных сословиях — на взаимоотношениях помещика и мужика.

В «Борисе Годунове», с одной стороны, народ является основным действующим лицом, с другой — «мнение народное», действия народа выступают по отношению к другим, наиболее персонафицированным, действующим лицам в качестве обстоятельств.

В изображении представителей народной массы, действующих в трагедии, почти полностью отсутствует индивидуализация, которая является одним из необходимых свойств реалистического характера. Даже в таких персонажах, как юродивый Николка и мужик на амвоне, индивидуализация едва лишь намечена.

В романе «Дубровский», наряду с общими зарисовками крестьянской массы, уже выделены и четко индивидуализированы ее отдельные представители. Няня Егоровна показана в относительно широких сюжетных связях: с господами Дубровскими, с попадьею, с кузнецом Архипом. Эти связи описаны очень кратко, но все же дают возможность показать ее образ с нескольких сторон. При анализе образа Егоровны мы обнаруживаем, хотя и в неразвитом виде, основные принципы реалистической типизации.

Сюжетные связи других крестьянских персонажей с окружающим миром и друг с другом даны еще более скупо. Психологический облик кучера Антона раскрывается лишь в беседе с молодым Дубровским, а мальчика Мити — в сцене его допроса у Троекурова. В несколько более широком плане, а главное в действии, обрисован образ кузнеца Архипа, реплики которого мы слышим во время бунта кистеневских мужиков. Многое для понимания его характера мы узнаем из сцены поджога помещичьего дома и спасения кошки. Однако для более или менее всестороннего раскрытия характера крепостных крестьян таких сюжетных связей явно недостаточно.

Самые главные социально-экономические, правовые связи между крепостным крестьянством и их помещиками в романе «Дубровский» освещены слабо. Для кистеневских мужиков Дубровские — добрые и желанные господа. И не случайно из

четырёх относительно индивидуализированных образов крестьян трое оказываются дворовыми. В основном все крестьянские характеры раскрываются во взаимосвязях с молодым Дубровским.

Кроме того, жизнь крестьян в романе изображена не в её повседневности, а в момент исключительный. Помимо совершенного беззакония по отношению к их господам, им грозит переход во владение к жестокому самодуру Троекурову. Основная сфера крестьянского бытия затронута лишь частично.

Решение темы народного протеста в «Дубровском», вероятно, не удовлетворило Пушкина: вторую часть романа он так и не написал. «Элементы литературности и мелодраматизма в образе главного героя романа, — пишет Н. В. Измайлов, — исключительность и нетипичность такой формы крестьянской борьбы, как разбойничество, — все это, по-видимому, заставило Пушкина отказаться от завершения романа, не выполнившего поставленных им перед собою задач, и начать новое произведение, в принципе глубоко отличное от «Дубровского» и по теме, и по материалу — роман о Пугачевском восстании и офицере-пугачевце»³.

Обстановка в Европе и особенно в России продолжала оставаться напряженной. Во Франции произошла революция, в Польше бушевало восстание, стремительно и грозно росло революционное движение крепостного крестьянства. Все это объясняет тот глубокий интерес, который проявил Пушкин к крестьянскому восстанию под предводительством Пугачева.

На основе глубокого изучения исторических документов и устных сказаний он создает крупнейшее произведение в прозе — роман «Капитанская дочка». В годы работы над романом Пушкин настойчиво обращается к творчеству Радищева. Он пишет свое «Путешествие из Москвы в Петербург», статью «Радищев» Радищевские традиции постоянно дают себя знать, особенно — в изображении восставшего крестьянства.

Беспощадная война народа против своих угнетателей осмысливается Пушкиным как результат жестокого угнетения со стороны помещиков и произвола властей и художественно изображается им в форме открытого столкновения основных классов крепостнической России.

К моменту написания «Капитанской дочки» Пушкин отчетливо осознавал противоположность интересов крепостного крестьянства и дворянства как класса. Поэтому трудно согласиться с Е. Н. Купреяновой, когда она идею Пушкина 20-х годов о возможности союза передового дворянства и крепостного крестьянства в борьбе с самодержавием неправомерно распространяет на все творчество поэта. «Понимая слабость и ограниченность дворянского освободительного движения, —

шет она, — и грозную взрывчатую силу стихийного крестьянского протеста и в то же время опасаясь его открытого проявления, как «бунта бессмысленного и беспощадного», Пушкин в последекабристские годы упорно думал над возможностью совместного выступления передового дворянства и крестьянских масс против самодержавия и крепостничества («Дубровский», «Сцены из рыцарских времен», «Русский пелаг», «История Пугачева», «Капитанская дочка»)»⁴.

Поэт осознал социальные причины крестьянского восстания. Об этом он недвусмысленно говорит в «Истории пугачевского бунта»: «Весь черный народ, — писал Пушкин, — был за Пугачева. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны»⁵. А в романе эта мысль вытекает из отношения к дворянам не только самого Пугачева и его окружения, но и широких народных масс.

Крестьянское движение под предводительством Пугачева в романе «Капитанская дочка» Пушкин показывает как классовую, народную войну против дворянского правительства. Пугачев на протяжении всего повествования пользуется неизменной поддержкой народа. «В крепости, — говорится в романе, — между казаками заметно стало необыкновенное волнение: во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата» (8, 316).

Арест казачьего урядника, избличенного в сношениях с восставшими, вызывает у населения возмущение, переходящее порой в открытые угрозы. «Они громко роптали, — говорится о казаках, — и Иван Игнатьевич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса» (8, 316).

Осознание беспощадной крестьянской ненависти к дворянам независимо от их личных качеств раскрывается в целом ряде эпизодов. Казнь восставшими коменданта Нижнеозерной крепости поразила Гринева, по впечатлениям которого тот был «тихий и скромный молодой человек» (8, 319). Когда караульные крестьяне задержали Гринева, у них не возникает и тени сомнения в том, что он должен быть повешен. Главный караул объявил Гриневу и Савельичу, что их поведут к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожидаться свету божия» (8, 346). Эпически-спокойная тональность речи крестьянина подчеркивает непоколебимую убежденность в правоте своего суждения. В споре о судьбе Гринева Хлопуша говорит Пугачеву: «Ты

уже оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники» (8, 348).

Социальная заостренность в решении проблемы взаимоотношений помещиков и их крепостных крестьян особенно ощутима в картинах бунта булавинских крестьян (в «Пропущенной главе» Гринева назван Булавиным). По мнению рассказчика, отношения между их семьей и крестьянами были вполне благополучны. «Я знал, — говорит он, — что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, несмотря на свою строгость, был также любим, ибо был справедлив и знал истинные нужды подвластных ему людей... Тут пощада была *вероятна*» (8, 379-380) (Выделено нами—А. С.).

Пушкин глубоко осознавал классовый антагонизм крестьян и помещиков, поэтому заключительная фраза Гринева-Булавина далека от уверенности в благоприятном исходе для его семьи конфликта с восставшими крестьянами. Доброе и справедливое отношение родителей героя к своим крестьянам дает ему лишь надежду на спасение, да и то весьма сомнительную, судя по поведению караульных крестьян. «В деревне раздавались крики пьяных, — говорит рассказчик, — караульные им завидовали, и, досадуя на нас, ругались и стращали нас истязаниями и смертью» (8, 380).

На просьбу послать кого-нибудь навстречу гусарскому полку за помощью Савельич отвечает: «Да кого же послать, сударь! Все мальчишки бунтуют» (8, 379). Единодушные бунтующих крестьян, принадлежащих добрым и справедливым помещикам, красноречиво раскрывает классовую сущность восстания.

Трудно согласиться с концепцией М. Мальцева, который стремится доказать, что Пушкин до конца своего творческого пути был сторонником союза просвещенного дворянства и крепостного крестьянства, что он своими произведениями, в том числе и «Капитанской дочкой», указывал дворянам на необходимость возглавить революционное крестьянство.

«Оставаясь на позициях дворянских революционеров, — пишет Мальцев, — не порывая окончательно со своим классом, Пушкин должен был признать целесообразность использования революционного движения народа в целях осуществления декабристской программы. В этом случае дворянские революционеры не должны бояться крестьянской революции, а обязаны возглавить стихийное движение народа, привлечь его на свою сторону, повести по заранее намеченному руслу, т. е. движущие силы революции вооружить политическим сознанием в духе осуществления декабристских лозунгов»⁶.

Такой вывод исследователь делает на основе анализа про-

изведений Пушкина, при котором высказывания и художественные сцены, в какой-то мере подтверждающие его концепцию, комментирует весьма односторонне, а другие, опровергающие его точку зрения, обходит молчанием или относит их к числу охранительных фраз, якобы помогающих провести произведение через цензуру. Например, глубокий и гуманный демократизм Пушкина в изображении народа Мальцев осмысливает как безоговорочное оправдание крестьянского восстания, а поведение Гринева истолковывается без учета той мотивированности, которую дает автор поступкам этого героя в романе.

«Когда подвели Баширина и Гринева, — утверждает Мальцев, — Пугачев, не задавая обычного своего вопроса о признании его законным царем, приказал повесить. Таким образом, ответа их Пушкин, по-видимому, сознательно не дает. В обоих случаях казнь отменяется вследствие заступничества за дворян со стороны простого народа (просьба за Гринева крепостного слуги представляется здесь равноценной просьбе солдат за своего офицера)»⁷.

Не говоря о том, что для безоговорочного сближения Гринева с его прототипом нет достаточных оснований, он в критический момент был готов «повторить ответ великодушных... товарищей» (8, 325) и разделить их судьбу. Ставить же знак равенства между солдатами и Савельичем — это значит игнорировать коренные различия в психологии этих характеров.

Столь же тенденциозно освещается сцена бунта крестьян в имении Гриневых-Булавиных в «Пропущенной главе»: «Правда, усмирённый бунт в имении отца Гринева заканчивается идиллической сценой прощения помещиком виновных перед ним мужиков, покорно отправившихся на барщину». Напомним, что бунт крестьян жестоко подавлен гусарами, которые их «рубили и хватали в плен», что Андрею земскому отрубили голову, которая «была выставлена на шесте у кабака» (8, 381, 382). Остальных крестьян помещик прощает «для радости, что бог привел... свидеться с сыном». Все это трудно назвать идиллической сценой, но еще труднее сделать вывод о возможности союза помещика с крепостными.

Увлечшись своей идеей, исследователь не замечает, что бунтуют те самые крестьяне, которые, по его словам, «с уважением и даже любовью относились к своим господам». Они же заперли своих «любимых» помещиков в амбар, да еще «ругались и страшали... истязаниями и смертью» (8, 380). Истолковывать пословицу «повинную голову меч не сечет», произнесенную при прощении крестьян помещиком, как итог всей сцены, где кроется «намек на долг просвещенного дворянства

перед народом, а также мысль, что хорошим помещикам нечего бояться жестокой расправы с ними своих крестьян»⁸, пушкинский текст не дает никаких оснований.

С другой стороны, с той же категоричностью Мальцев утверждает, что фраза «не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» принадлежит только Гриневу и введена в текст «Капитанской дочки» из чисто охранительных соображений. Более того, по его мнению, «сентенция бессмысленный и беспощадный бунт в будущем связана с замыслом дворянских революционеров»⁹.

Общепринято в сомнительных случаях искать уточнение смысла или оценки того или иного факта в других произведениях и высказываниях писателя. Поскольку Мальцев считает, что в пушкинской публицистике, в частности, в «Путешествии из Москвы в Петербург» осуждение «насильственных потрясений политических» также объясняется охранительными мотивами, сошлемся на письма. К П. В. Вяземскому Пушкин пишет: «Ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жен» (14, 204). Менее подробно, но такая же оценка бунта дана Пушкиным в двух письмах к П. В. Нащекину (14, 181, 200), в двух письмах к П. А. Осиповой (14, 432-433), к П. Я. Чаадаеву (14, 430).

Привлечение публицистики и переписки Пушкина дает основание утверждать, что оценка крестьянских бунтов в «Капитанской дочке» как бессмысленных и беспощадных в существенной степени принадлежат автору. Пушкин не верил в положительное решение политических вопросов посредством крестьянского восстания, а бессмысленное пролитие крови было неприемлемо для его мировоззрения.

Глубина пушкинского историзма заключается в осознании противоположности интересов дворян и крестьянства, в понимании неизбежности ожесточенных столкновений между народом и правительством. Демократизм эстетических позиций Пушкина полнее всего раскрывается в его искреннем сочувствии народным бедствиям, в моральном оправдании крестьянского восстания, в признании его неизбежности при крепостническом государственном строе. «Пушкин, — справедливо отмечает Ю. Лотман, — видит роковую неизбежность борьбы, понимает историческую обоснованность крестьянского восстания, отказывается видеть в его руководителях «злодеев». Но он не видит пути, который от идей и действий любого из борющихся лагерей вел бы к тому обществу человечности, братства и

вдохновения, туманные контуры которого возникли в его сознании»¹⁰.

Полностью соглашаясь с выводом исследователя, трудно признать убедительными его аргументацию и анализ текста. Мысль о двух мирах, дворянском и крестьянском, якобы одинаково бесстрастно изображаемых Пушкиным, утверждение о том, что «быт Гриневых, воспитание героя, даются сквозь призму ассоциаций с бытом фонвизинских героев»¹¹, стремление показать, что спасение Маши Пугачевым уравнивается спасением Гринева Екатериной II, не согласуются с объективным содержанием романа.

«Каждый из двух, изображаемых Пушкиным миров имеет свой бытовой уклад, овеванный своеобразной, лишь ему присущей поэзией, свой склад мысли, свои эстетические идеалы»¹². Далее, приведя фразу рассказчика о разговоре Пугачева с хозяином постоялого двора: («Я ничего тогда не мог понять из этого воровского разговора»), Лотман делает вывод: «Пушкин подчеркнул, что речь Пугачева, вобравшая все своеобразие народного языка, дворянину непонятна»¹³. Но из текста следует, что любой человек, не посвященный в дела готовящегося восстания, не смог бы ничего понять из зашифрованного аллегорией разговора.

Стремясь доказать, что Пушкин в изображении событий крестьянской войны стоял над обеими мирами, осуждая жестокость того и другого, и ценил только частные человеческие порывы любого, Лотман призывает «решительно отказаться, как от упрощения, от распространенного представления о том, что образ Екатерины II дан в повести как отрицательный и сознательно сниженный»¹⁴. Далее он делает попытку опровергнуть соответствующий анализ Д. Благого и его вывод: «Как неправда, — возразила дама, вся вспыхнув». «От «прелести неизъяснимой» облика незнакомки, как видим, не остается и следа. Перед нами не приветливо улыбающаяся «дама», а разгневанная, властная императрица, от которой бесполезно ждать снисхождения и пощады».... Однако, — продолжает Лотман, «Капитанская дочка» — настолько общеизвестное произведение, что даже неподготовленному читателю известно: в повести Пушкина Екатерина II помиловала Гринева, подобно тому как Пугачев — Машу и того же Гринева»¹⁵.

Вывод Лотмана был бы справедлив, если бы Гринев был действительно соучастником Пугачева. В романе Екатерина II освобождает Гринева, когда узнает, что никакой вины за ним не было. Она не милует Гринева, а восстанавливает справедливость. Если вспомнить иронию, с которой Пушкин отметил, что Екатерина II не выполнила обещания «устроить состояние»

Маши Мироновой, то в данном случае следует признать полную правоту Д. Благого.

Признание пушкинского бесстрастия в изображении и дворянского лагеря, и восставшего крестьянства не соответствует ни содержанию, ни эмоционально-эстетической окрашенности текста. Оно также не может не снижать демократического гуманизма Пушкина и народность романа «Капитанская дочка».

Известно, что с легкой руки императрицы Екатерины II крестьянское восстание под предводительством Пугачева официальные историки пытались представить как местный и незначительный конфликт. Пушкин в «Истории Пугачева» раскрыл общенародную широту этого движения. «Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю,—замечает он,—отовсюду пресекло сообщение... От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начались беспоконья; Екатеринбург был в опасности» (9, 39-40).

В романе «Капитанская дочка» в ряде картин Пушкин также показывает широкий размах восстания. В войске, идущем на приступ Белогорской крепости, видны крестьяне, казаки, представители кочевых народов русских окраин. В «Пропущенной главе», когда семья Гриневых-Булавиных вышла из горящего амбара, «толпа крестьян, казаков и башкирцев окружила их» (8, 381).

Эта же мысль наиболее художественно, концентрированно выражена Пушкиным в эпизоде с виселицей, плывущей по Волге. «Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти. Но взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька»... (8, 376). Не случайно чуваш, русский крестьянин и Ванька оказались на одной виселице, и горестное восклицание рассказчика относится не только к Ваньке.

Анализ текста романа «Капитанская дочка» говорит о понимании Пушкиным полной противоположности классовых интересов дворян и крепостного крестьянства. Проблема возможности политического союза между образованным дворянством и народом с целью общей борьбы с самодержавным правительством Пушкиным в романе даже не ставится.

* * *

В сравнении с обликом Пугачева, данным в «Истории Пугачева», Пушкин в романе опозитивировал своего героя в духе на-

родных преданий и песен, сделал его более человеческим и привлекательным. В «Истории Пугачева» приводятся многочисленные факты жестоких казней дворян, офицерских жен и даже простых казаков, не присягнувших Пугачеву. Описывая жизнь в Бердской слободе, где была ставка восставших, поэт отмечает: «Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев» (9, 27).

На основе исторических документов Пушкин рассказывает о том, что Пугачев отдал своим сообщникам любимую наложницу Харламову, которая вместе с семилетним братом была расстреляна. После разгрома отряда Чернышова Пугачев повесил его, «тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника» (9, 31).

В романе «Капитанская дочка» в портрете Пугачева и его внутреннем облике Пушкин отразил в основном подлинные исторические черты, воссозданные по преданиям очевидцев и по изученным архивным и мемуарным материалам. Но вместе с тем в этом образе поэт воплотил и свое понимание национального характера русского мужика. В годы работы над «Капитанской дочкой» Пушкин следующим образом охарактеризовал основные черты русского крестьянина. «Взгляните на русского крестьянина, — писал он, — есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны» (11, 258).

Своеобразным ключом к пониманию социальной и психологической сути характера Пугачева, раскрывающейся на протяжении романа, является эпиграф, взятый из старинной народной песни:

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез!
Завезла меня, доброго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая (8, 286).

Свободолюбие и удаль, «прыткость, бодрость молодецкая», наряду со своеобразным благородством и верностью своему делу, вырисовываются в итоге как доминирующие, основные черты характера народного вожака. Эпиграф перекликается с такими кульминационными моментами повествования, как взятие Белогорской крепости, где Пугачев личным примером

увлекает свое войско на приступ, как описание пира, где исполняется разбойничья песня, а также с калмыцкой сказкой, рассказанной Пугачевым Гриневу. В описании этих сцен наиболее отчетливо проступает влияние народных преданий и песен, в которых образ Пугачева был овеян поэзией.

Уже при первом знакомстве героя повести с будущим предводителем крестьянского восстания Пушкин отмечает его сообразительность, физическую выносливость. И с первых же минут дворянин Гринеv вынужден быть обязанным Пугачеву, который спасает его в буран, проявляя такое хладнокровие и находчивость, что рассказчик замечает: «Сметливость его и тонкость чутья меня поразили».

Затем, уже на постоялом дворе он признает: «Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волосы были острижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары» (8, 290).

Впечатление о наружности дополняется своеобразным разговором с хозяином постоялого двора. Речь Пугачева была пересыпана пословицами и аллегорическими метафорами, сотканными на основе народных понятий. На вопрос хозяина постоялого двора «отколе бог принес?» вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал, швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну а что ваши?» — «Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте». — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит» (8, 290).

Лексический состав всего иносказательного разговора выражает стихию крестьянского бытия, но вместе с тем самые обыденные слова неожиданно наполняются таким глубоким смыслом, который до конца осознается лишь в свете развернувшихся позже исторических событий. Свойственная речи русского крестьянина афористичность выступает здесь в предельной концентрации.

Обычно Пушкин редко включает характерные для крестьянской среды обороты речи и слова, но они всегда по-своему обрисовывают тот или иной персонаж. Эти редкие выражения, а иногда просто фонетическая окраска слова, выполняют в его прозе важнейшую художественную функцию — создают неповторимую индивидуализацию образа.

Подобный прием Пушкин использует и для характеристи-

ки Пугачева. Его речь в целом метафорична, насыщена пословицами и поговорками («долг платежом красен», «кто ни поп, тот батька», «дай вам бог любовь да совет») и лишь изредка содержит такие слова и обороты, которые преимущественно свойственны крестьянству: «я чаю», «генералы», «коли»; «закутим, запьем — и ворота запрем», «не беда если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладной; беда если наши кобели меж собой перегрызутся» (8, 350, 332, 356, 350).

Хладнокровие и находчивость во время бурана, яркая афористичность речи, недюжинность натуры в сцене знакомства основных героев романа говорят о кровной связи Пугачева с оренбургскими степями и их жителями.

«Пугачев, — верно замечает Г. А. Гуковский, — могучая личность. Однако не только он делает восстание, но и восстание делает его, образуя из него вождя, полководца, правителя. И характер его как личности и героя романа скорее выражает характер народа, восставшего против помещиков, чем наоборот, как это бывало у романтиков, у которых народ скромно следует за личными пристрастиями, идеями или даже прихотями героя»¹⁶.

В последующих главах образ Пугачева усложняется и обогащается новыми чертами, но нигде не теряет человечности и своеобразного благородства. Эту важную особенность характера народного вожака постоянно подчеркивает рассказчик. Оказавшись на пиру у предводителей восстания, Гринев замечает: «Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясняли ничего свирепого» (8, 330).

Широта натуры Пугачева, его удаль и поэтическая одаренность выявляются, в частности, в сцене пира в кругу соратников, на котором поется старинная разбойничья песня. «Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом» (8, 331). В этой сцене особенно ощутима неразрывность Пугачева с окружающей его средой.

В кругу своих товарищей Пугачев показан как первый среди равных. «Все обходились между собою, — замечает Гринев, — как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю» (8, 330).

Но одновременно Пушкин подчеркивает, что Пугачев играет главенствующую роль, на которую был выдвинут самим народом. Его кровную связь с широкими массами автор утверждает на протяжении всего романа не только тем, что лю-

ди повсеместно переходят на его сторону, но и той, и это главное, праздничной атмосферой, которая возникает там, где появляется Пугачев.

При взятии Белогорской крепости «жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздался колокольный звон. Народ повалил на площадь» (8, 324). Пугачев постоянно оказывается в гуще народа. Где он, там и народ. «Все жители находились тут же, ожидая самозванца», «народ снял шапки», «народ пошел провожать Пугачева», «народ разошелся», «народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами» (8, 334-354), — эти лапидарные реплики автора говорят о тесной связи крестьян со своим вожаком. Когда караульные мужики привели в Бердскую крепость к Пугачеву задержанных Савельича и Гринева, автор замечает: «Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде, на улице я встретил множество народу» (8, 346).

В «Истории Пугачева» полководческий талант и организаторские способности Пугачева даны развернуто. В романе рядом художественных деталей освещена и эта сторона личности предводителя.

У Пугачева хорошо поставлена разведка. Пользуясь поддержкой населения, он был всегда осведомлен о противнике (разговор с Гриневым о положении в Оренбурге). Пугачев активно воздействует на население, рассылая повсюду гонцов с воззваниями, которые, по мнению Гринева, писаны были «в грубых, но сильных выражениях» и должны были «произвести опасное впечатление на умы простых людей» (8, 317).

В Белогорской крепости Гринев наблюдал, как строилось пугачевское войско: «Казачи стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты...» «Шайка выступила из крепости в порядке» (8, 334, 336).

Оттенок анархичности, беспорядка, заложенный в самом значении слова «шайка», развитием фразы почти полностью снимается. В повествовании толпа местных жителей не смешана с идущими в наступление на Оренбург. Это не беспорядочная стихия, а воинское построение с четким выделением отдельных родов войск: кавалерии, пехоты, артиллерии.

Проявляя глубочайшую историческую прозорливость, Пушкин тонко уловил настроение крестьянства, которое вдруг почувствовало себя раскрепощенным и независимым от ненавистных помещиков и жестоких правителей. Гений Пушкина во всей полноте выразился и в том, что на крупнейшее историческое событие Родины он сумел взглянуть глазами самого народа, проникнуться его духом и правдиво изобразить соци-

альную и психологическую стороны крупнейшей в истории России крестьянской войны.

К дворянину Гриневу Пугачев относится в высшей степени гуманно и внимательно. «Казнить — так казнить, миловать — так миловать: таков мой обычай» (8, 356), — говорит он Гриневу, к которому на протяжении всего их знакомства он был по-своему добр, великодушен и справедлив.

Если Пугачев в благодарность за небольшую услугу сделал все возможное для дворянина Гринева, и его слова «век не забуду ваших милостей» оказались выполненными сторицей, то правительство, которое он защищал по долгу совести и присяги, для него ничего не сделало, несмотря на обещание.

Когда выяснились все обстоятельства дела и Гринева был оправдан, императрица Екатерина II написала письмо будущему свекру Маше Мироновой отцу Гринева, а ей заявила: «Знаю, что вы небогаты..., но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние» (8, 374).

О том, что обещание Екатерины II оказалось невыполненным, говорит многозначительная и полная скрытой иронии фраза в конце романа. «Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марии Ивановне. Потомство их *благоденствует* в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее *десятерым* помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке» (8, 374). (Выделено нами — А. С.).

Авторская идейно-эмоциональная оценка образа Пугачева складывается из множества художественных деталей и штрихов. Лишь дважды устами Гринева дается ему оценка. «Не могу изъяснить то, — говорит Гринева, — что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истину? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему». И далее: «Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка» (8, 358).

Простая заключительная фраза, состоящая из эмоционально-нейтральных слов, наполняется богатейшим ассоциативным содержанием. Она заставляет вместе с Гриневым перебрать в памяти все перепетии развернувшихся в романе событий и наполняет грустью предчувствия трагического конца народного вожака.

Слова искреннего сочувствия к судьбе Пугачева как бы невольно вырываются у Гринева и при получении известия о поимке самозванца. Гринева, наконец, мог жениться на Маше. «Но между тем, — замечает он, — странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких

невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. Емеля, Емеля! — думал я с досадою; — зачем не наткнулся ты на штык, или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать» (8, 364).

Пугачев беспощаден к своим врагам. Но казни офицеров и помещиков не являются проявлением его жестокости, как это изображали писатели и историки до и во времена Пушкина. Его ненависть освящена веками угнетения и жестокого обращения помещиков со своими крепостными. Восставшие, в свою очередь, не рассчитывали на милость своих врагов. Официальные власти были не менее жестоки к тем, кто выходил из повиновения, о чем красноречиво говорят описания приговора к пыткам старого башкира и страшные следы прежних наказаний на лицах некоторых приближенных Пугачева.

Для понимания главной сути характера Пугачева много дает калмыцкая сказка, которую он рассказывает Гриневу. Здесь не только ярко выражается свободолюбие Пугачева, но и его представление о смысле жизни. Прожить меньше, но ярко; лучше погибнуть вольным, чем жить в оковах.

Пугачев, как выразитель народной ненависти к своим угнетателям, был страшен русскому дворянству и правительству и после казни. О нем рассказывали и писали всякие небылицы, чтобы унижить, показать его не только кровожадным извергом, но и жалким трусом.

Сама императрица Екатерина II писала Вольтеру 29 декабря 1774 года: «Маркиз Пугачев, о котором вы опять мне пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха» (9, 806).

Заслуга Пушкина как ученого-историка и как писателя заключается, в частности, в том, что он донес до потомков историческую правду о Пугачеве. В «Истории Пугачева» Пушкин сцену казни дал по воспоминаниям очевидца поэта И. И. Дмитриева, в которых нет и намек на слабость и трусость. В конце романа поэт бегло замечает: «Он (Гринева) присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» (8, 374).

То, что Пугачев сумел заметить в толпе Гринева и кивнуть ему, свидетельствует о том, что мужество и хладнокровие не покидали его до последней минуты.

Но своеобразно поэтизируя образ Пугачева, Пушкин дает его реалистически, с присущими ему слабостями и недостатками. По своей художественной структуре его образ в романе далек от малейших элементов романтизации.

Поэтому трудно признать убедительным освещение образа Пугачева, которое дает Н. М. Владимирская. «Пушкин, — пишет она, — явно поэтизирует своего героя, придавая подчас его размышлениям и словам почти философскую значительность (сказка об орле и вороне). Не случайны в этом плане и вещей сон Гринева, и таинственная многозначительность первого появления Пугачева на пути Гринева, и тревожная, трагедийная атмосфера пира у Пугачева, завершившегося пением бурлацкой песни»¹⁷. Хотя исследователь оговаривает, что «романтизация эта весьма относительна и условна», данная оценка эмоциональной окрашенности перечисленных сцен противоречит тексту.

При первом же знакомстве героев наряду с чертами, привлекающими внимание рассказчика к Пугачеву, дается бытовая деталь, явно снижающая его образ. «Что, брат, прозяб?» — обращается к нему Гринева. И слышит в ответ: «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечер у целовальника: мороз показался не велик» (8, 290). То, что Пугачев в стужу пропил тулуп и что он вместо предложенного чаю попросил стакан вина, делает его образ реалистически осязуемым, даже в какой-то мере приземленным.

Сцена пира воспринимается рассказчиком, который только что пережил смертельную опасность и был свидетелем не только казни капитана Миронова и поручика, объяснимой логикой войны, но и жестокого убийства Василисы Васильевны. Она была зарублена лишь вследствие раздражения и озлобленности Пугачева. Когда Василиса Васильевна выбежала из дома и стала причитать по погибшему мужу, именно он дал команду: «— Унять старую ведьму!»... Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца» (8, 326).

Эта сцена, освещающая образ Пугачева далеко не с положительной стороны, не могла не наложить отпечатка на восприятие Гринева. Пушкин тонко и убедительно показал это тем, что заставил рассказчика на пиру в первый момент увидеть Пугачева и его сподвижников, разгоряченных вином «с красными рожам и блистающими глазами» (8, 330). Только когда прошло волнение Гринева, он смог увидеть объективную картину окружающего. Тревожное состояние рассказчика Н. М. Владимирская характеризует как трагедийную атмосферу пира.

Поэтическому рассказу калмыцкой сказки в повествовании предшествует диалог героев, в котором раскрываются такие черты характера Пугачева, как наивное хвастовство своими полководческими способностями и простодушное самодоволь-

ство. «Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачев, помолчав немного. — Да говорят, что с тобою сладить трудно; нечего сказать: дал ты себя знать!».

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с веселым видом. — Я воюю хоть куда! Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться!» (8, 352).

Образ Пугачева в романе «Капитанская дочка» дан во всей жизненной противоречивой многогранности и социальной определенности. Его образ — первое в русской литературе все-сторонне мотивированное, типическое отображение народного характера.

Д. Благой справедливо отмечает общенациональное значение характера крестьянского вождя. «...В Пугачеве, — пишет он, — развернуты типичные стороны народного характера. Пугачев в «Капитанской дочке» отличается вольным и мятежным духом, героическим хладнокровием и удалью». В то же время Д. Благой подчеркивает, что «образ Пугачева дан Пушкиным без тени какой бы то ни было фальшивой идеализации, во всей его суровой, больше того, — жестокой реальности»¹⁸.

Характер Пугачева раскрывается на широком социальном фоне. Вокруг него бушует народное море, взволнованное восстанием. Кратко, но выразительно даны поэтом образы ближайших сподвижников Пугачева и других восставших: Хлопуши и Белобородова, казачьего урядника из Белогорской крепости, гонца караульных и т. д. Пушкин поэтически воссоздает тот мир, порождением которого и является Пугачев.

* * *

В художественном осмыслении народного характера в «Капитанской дочке» значительную роль играют образы сподвижников Пугачева. Несмотря на эпизодичность, характеры Хлопуши и Белобородова даны относительно развернуто, они четко индивидуализированы.

Вот портрет Афанасия Соколова по прозвищу Хлопуша: «Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей, и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому лицу выражение неизъяснимое» (8, 347).

О неукротимом свободолюбии его говорит тот факт, что он трижды бежал из сибирских рудников с каторги. Он действительно страшен своим врагам, но к гостю по-своему добр. Хлопуша прошел через пытки. Его ненависть к дворянству должна была проявиться в большей мере, чем у других. Но тем ярче

оттеняется его своеобразное благодушие, когда он вступает за Гринева. Его речь дышит уравновешенностью сильного человека. «Полно, Наумыч — сказал он ему (Белобородову), — тебе бы все душисть, да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится». В споре с Белобородовым проявляется его мужественный, прямой и открытый характер. «Конечно, — отвечал Хлопуша, возражая Белобородову, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак, и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью» (8, 349).

В другом ключе раскрывается характер и индивидуальные черты Белобородова. Портрет его заключен в одной фразе. «Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку» (8, 347).

Но за этой ординарной внешностью скрыта неугасимая ненависть к дворянству, классовая непримиримость к своим врагам. Для него нет добрых дворян, все они заслуживают только виселицы. «Нечего их ни жалеть, ни жаловать», — говорит он. Когда Пугачев разгневался на Швабрину после жалобы Гринева и погрозился его повесить, Белобородов советует: «Коли ты Швабрину хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому неповадно было» (8, 349).

В вопросах к Гриневу Белобородов проявляет настойчивость и в своих рассуждениях обнаруживает такую строгую логику, что ее вынужден был признать и Гринева.

По-иному раскрыт образ крестьянина Андрюшки земско-го в «Пропущенной главе». Чувство собственного достоинства, самостоятельность и решительность в поступках выявляются как определяющее начало в характере руководителя взбунтовавшихся крестьян Гринева-Булавиных. Когда Гринева-Булавин пытался открыть амбар, появляется Андрей. «В эту минуту статный молодой мужик вышел из людской избы, и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить. — «Где Андрюшка земский, — закричал я ему. — Кликнуть его ко мне! — Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, — отвечал он мне, гордо подбоченясь. — Чего надобно?» (8, 377).

Барский окрик встречает решительный отпор. Когда герой бросился в амбар к своим, Андрей его тут же запирает. — «Андрюшка, закричал я, — отопр! — Как не так, — отвечал из-за двери земский. — Сиди-ка сам здесь. Вот ужо научим тебя буянить, да за ворот таскать государственных чиновников!» (8, 378).

Не случайно фразу «как не так», которая в романе «Дуб-

ровский» была любимой поговоркой кузнеца Архипа, олицетворявшего наиболее свободолюбивые настроения кистеневских крестьян, Пушкин вкладывает в уста Андрея. Всем поведением и действиями Андрей напоминает кузнеца. Несомненно, образом земского в художественном контексте романа выражена сходная социально-психологическая идея автора.

Из всех многочисленных сцен как бы сама собой в сознании читателя складывается целостная картина народного движения и определяются особенности национального русского характера. Мощью и силой веет от разбушевавшейся народной стихии. Стремление к свободе, неукротимость гнева к угнетателям, чувство собственного достоинства, решительность в действиях — являются определяющими чертами характера многих эпизодических лиц в романе.

Нам кажется вполне возможным мысль Б. Мейлаха, характеризующую отношение Пушкина к Пугачеву, распространить на все персонажи, которые в той или иной мере выявляют особенности крестьянского движения. Несмотря на то, что Пушкин часто называет Пугачева «злодеем» и «извергом», — говорит Б. Мейлах, — «преобладает положительная эстетическая оценка, доходящая в некоторых местах повести до любования духовной красотой, мощным характером этого талантливого представителя народа, доведенного дикой жестокостью помещиков до крайнего ожесточения»¹⁹.

Созданием колоритной фигуры народного вожака и ярких массовых сцен Пушкин внес неоценимый вклад в решение проблемы художественного отображения крестьянства в русской литературе. Но при всей исторической достоверности характер Пугачева был все-таки исключительным, и изображение его дается не в сфере труда и быта, а в обстановке восстания, в необычной роли народного царя.

Для раскрытия пушкинского осмысления сущности крестьянского характера большую роль играет образ крепостного Савельича — слуги Гринева. Еще в романе «Евгений Онегин» поэт подчеркнул, что наиболее ценные нравственные качества его героини обусловлены ее близостью к простому народу и природе. И в «Капитанской дочке» положительные черты в нравственном облике Гринева во многом являются следствием благотворного влияния его дядьки.

Савельич крепостной, но в его привязанности к барскому дитяте, кстати взаимной, в его верности не столько долгу службы, сколько чувству, в привязанности, которая заставляет его забывать о самом себе и все силы души и тела отдавать служению своему барину, раскрываются по своему высокие нравственные черты, присущие простому народу.

В Симбирске, на другой день после проигрыша Гриневым

Зурину ста рублей, Савельич ворчит на него и вначале категорически отказывается выдать деньги. Гринева вынужден прибегнуть к барской власти, чтобы заставить его подчиниться. Но Гринева более всего огорчает его ссора с Савельичем, и, чтобы помириться с ним, он, дворянин, дает слово своему крепостному в будущем во всем его слушаться.

Само социальное положение Савельича при барском доме воспитало в нем многие рабские черты. Но он не раб по убеждению. В его психологическом облике причудливо переплетались черты покорности и своенравия, приниженности и чувства собственного достоинства, доходящего порой до своеобразной гордости за оказанное ему доверие, на которое он отвечает беспредельной верностью барскому дитяте.

Показательно в этом плане письмо Савельича к старшему Гринева: «А я не старый пес, — пишет он, — а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам служил и дожил до седых волос» (8, 311). Здесь явно звучит чувство оскорбленного достоинства, стремление отвести незаслуженные упреки и отстоять свою нравственную правоту.

Образ Савельича овеян легким и теплым юмором, который делает его еще более художественно убедительным и человечным. На постоялом дворе, когда Савельич заупрямился и отказался дать вожатому полтину на водку, а затем вынужден по приказанию барина принести зайчий тулуп, или в сцене подачи Пугачеву реестра разграбленных восставшими барских вещей, этот юмор особенно заметен.

«Образ Савельича, — делает вывод С. М. Петров, — преданного своим господам, был также необходим для реалистического изображения исторической действительности того времени, как и образы революционно настроенных крестьян»²⁰. Образ Савельича помогает глубже проникнуть в психологию Гринева, помогает раскрыть его лучшие душевные качества, его демократизм и человечность.

Образ Савельича интересен и тем, что дает возможность проследить за самим процессом формирования в художественном сознании Пушкина определенного социально-психологического типа — типа преданного слуги-друга, слуги, искренне привязанного к своему воспитаннику, через отношение к которому определяется степень близости героя к народу.

Первым наброском такого типа служит образ няни Татьяны Лариной из романа «Евгений Онегин». В кратком диалоге и неторопливом рассказе о своей молодости в образе Филипповны намечаются основные черты характера, который затем в более широком варианте возникает в романе «Дубровский».

Образ Егоровны в «Дубровском» показан Пушкиным в бо-

лее широких взаимосвязях, ей посвящен уже значительный ряд эпизодов, где ее характер раскрывается с нескольких сторон. В образе Савельича подобный социально-психологический тип крепостного доведен до художественного совершенства. В романе «Капитанская дочка» его образ занимает место, почти равное с образом Гринева, основные черты характера Савельича даны широко, психологически и социально мотивированны.

Хотя характер Савельича и является порождением крепостнического права, но его социально-психологическая сущность— это отражение настроений лишь незначительной части русского крестьянства. Образ его раскрывается на фоне жизни помещиков Гриневых, вне служения которым для него нет смысла жизни. Тема крепостного крестьянства в его взаимоотношениях с помещиками художественно не могла быть сколько-нибудь удовлетворительно решена в образах дворовых слуг.

* * *

Трудность решения проблемы характера и обстоятельств в изображении народа в «Капитанской дочке» определяется следующими моментами. Во-первых, Пушкин требовал от прозы при предельной сжатости языковых средств художественной емкости каждого слова. Во-вторых, следует учесть, что над ним постоянно тяготела мысль о цензуре, через которую надо было провести роман на столь политически острую тему, как народное восстание. Необходимость сдержанности эмоциональной оценки отображаемых явлений заставила Пушкина искать

В работах Д. Благого, Г. Гуковского, Б. Мейлаха, С. Петосовые приемы для художественного воплощения замысла. рова²¹ об общей специфике пушкинского художественного отображения жизни — о мастерстве композиции, об особенностях его художественного мышления, о роли Пушкина в формировании критического реализма, об историзме его мировоззрения и о других важнейших проблемах его творчества сделаны глубокие и верные наблюдения.

В работах А. Лежнева, Н. Степанова, А. Слонимского²² анализируются вопросы художественного мастерства пушкинской прозы и, в частности, «Капитанской дочки». Не затрагивая проблему в целом, мы обращаем внимание лишь на некоторые приемы реалистического раскрытия характеров и обстоятельств в романе.

Добиваясь нужной эстетической оценки каждой из множества сцен, из которых складывается восприятие произведения в целом, Пушкин с изумительным тактом использует малейшую художественную деталь. Многоплановость изображения народных масс дает возможность поэту уравновесить отдельные

эпизоды и картины. С одной стороны, этот прием позволяет вести предельно объективное повествование, с другой — тонко и ненавязчиво высказать авторское отношение к изображаемым явлениям.

Впервые Пушкин применил этот прием при раскрытии характера кузнеца Архипа в романе «Дубровский», где после расправы с приказными Архип спасает кошку. Там противопоставленность сцен была дана несколько прямолинейно. В «Капитанской дочке» эмоционально-эстетическое уравнивание изображаемых картин использовано более совершенно.

Стихия крестьянской войны с колоритной фигурой Пугачева во главе — это целый особый мир, воссозданный гением поэта во всей его живописной конкретности. Этот мир Пушкиным нарисован ярко и выразительно. Множество лапидарных портретных характеристик и сжато описанных массовых сцен в целом дают правдивую картину народной борьбы. И везде незаметно, с поразительным мастерством он оттеняет ее справедливость.

Жестоко расправились восставшие с комендантом крепости Мироновым и его женой. Вполне может сложиться впечатление о народной кровожадности, тем более, что до этого в романе комендант показан добрым и славным человеком. И вот маленький художественный штрих: на виселице «На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого мы допрашивали накануне» (8, 324). Невольно по ассоциации возникает описание страшных следов жестокой пытки, которой тот подвергался ранее: «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита, вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и скорблен, но узенькие глаза его сверкали еще огнем». А когда к нему обратились с вопросом, он «открыл рот, в котором вместо языка шевелились короткий обрубок» (8, 318).

Жестокость казни коменданта психологически уравнивается, на первый план выступает не личная обида Пугачева на то, что ему отказались давать присягу, а давняя и справедливая борьба народа против дворянства как класса.

Белогорский казачий урядник оказался предателем по отношению к гарнизону крепости. Он же содействует гибели коменданта, указав на него Пугачеву. Но затем именно он, рискуя жизнью, делает доброе дело для Гринева — передает ему письмо от Маши.

Ассоциативное противоположение отдельных сцен не ограничивается эмоционально-эстетической оценкой, но всегда по-

могает более глубокому проникновению в социальную сущность отображаемых явлений. Роль противопоставления или соотнесенности различных эпизодов в композиционной структуре «Капитанской дочки» художественно многопланова.

В Белогорской крепости (глава IX) царит праздничная атмосфера по случаю освобождения Пугачевым населения от дворянской власти. «Все жители находились тут же, ожидая самозванца», «народ пошел провожать Пугачева», замечает Гринев (8, 336, 337). В конце главы покидает крепость Гринев, направляясь в Оренбург.

Первые фразы следующей X главы начинаются с описания тяжелого подневольного труда жестоко наказанных узников: «Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов» (8, 338).

Вскользь брошенная фраза о толпе колодников с обезображенными лицами говорит о насилии и пытках, как о государственном принципе управления народом. Но помимо своего прямого значения фраза о колодниках морально оправдывает и праздничное настроение населения Белогорской крепости и трагические события, развернувшиеся там.

Чаще всего ассоциативные связи отдельных сцен в целях их эмоционально-эстетического уравновешивания даются многосторонне. Так, сцена заключения всей семьи Гриневых-Булавиных (в «Пропущенной главе») и тяжелых испытаний угрозой смерти как бы обрамляется сценами, характеризующими жестокость властей.

В начале главы при переправе через Волгу Гринев-Булавин встречает плывущую виселицу с казненными повстанцами. Сразу же после освобождения помещицей семьи идет описание подавления бунтующих крестьян: «Бунтовщики утекали во все стороны; гусары их преследовали, рубили и хватали в плен» (8, 381). Андрею земскому была отрублена голова и «на несколько часов выставлена на шесте у кабака» (8, 382). На протяжении всего романа в противовес сценам, где изображается жестокость крестьян, Пушкин как бы мимоходом сообщает несколько деталей, говорящих о еще большей жестокости представителей государственной власти.

Рассказывая об окончании крестьянского восстания и поимке Пугачева, Гринев выражает свое искреннее сочувствие к судьбе народного предводителя, обрызганного кровью «невинных жертв». И вновь Пушкин указывает на новые притеснения населения со стороны правительственных войск: «Скажу коротко, что бедствия доходили до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбира-

ли у бедных жителей то, что успели они спасти... Начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали» (8, 364).

Мысль о жестоком подавлении крестьянского восстания в «Пропущенной главе» была выражена еще более определенно: «Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виновных и безвинных» (8, 383).

Богатство и глубина содержания «Капитанской дочки», при предельной сжатости его словесного выражения, заключены в безбрежной широте ассоциативных связей, пронизывающих все компоненты романа.

В работах В. В. Виноградова о языке пушкинской прозы подчеркнута особенно важная роль глагольных форм для выражения художественной мысли. Об эпитетах сказано, что они составляют всего 16% в ряду других словесных форм²³.

Известно, что Пушкин в прозе очень редко пользовался тропами, в том числе и эпитетами, но зато каждый из них нес в себе многообразные художественные функции. Эпитет в «Капитанской дочке», помимо раскрытия какого-то нового качества в определяемом понятии, наполнялся еще и более широким смыслом, эмоционально окрашивая иногда целые эпизоды и картины.

В Белогорской крепости Гринев, только что переживший ужас близкой смерти, по дороге к Пугачеву проходит мимо виселицы, которая «страшно чернела». А за столом пирующих его соседом оказался «молодой казак, стройный и красивый». В человеческом сознании с молодостью и красотой ассоциируется что-то светлое, бодрое и доброе, то, к чему человек расположен, что ему нравится. Эта сложная положительная гамма чувств, выраженная эпитетами, ослабляет тяжелое впечатление от виселицы.

На этом же пиру исполняется разбойничья песня. Передавая потрясающее впечатление от исполнения, Гринев отмечает «грозные лица, стройные голоса» (8, 331). В сочетании с содержанием песни эпитеты наводят читателя на мысль о мужестве и молодецкой удали, о стойкости и решительности в борьбе самих исполнителей песни. Одновременно эпитет «стройные» вызывает представление о прекрасном и благородном.

Когда обнаруживается обман в истории с Машей Мироновой, Пугачев устремляет на Гринева «огненные свои глаза» (8, 356). И за эпитетом вспыхивает гамма чувств, охвативших Пугачева: гнев обманутого, разочарование в человеке, которому до этого во всем верил. Огненный взгляд говорит о власти характера, о быстроте реакции. В портретном описании

Хлопуши отмечены «сверкающие глаза» (8, 347), что подчеркивает самое главное в его характере — неукротимость и силу. (Выделено нами — А. С.).

Эпитеты в портретных характеристиках вступают в сложные взаимосвязи с другими компонентами описания. Они придают портрету неповторимые оттенки, а сами приобретают от контекста особый дополнительный смысл. Например: «Слушай, — сказал Пугачев с каким-то *диким* вдохновением. — Расскажу тебе сказку (8, 353). (Выделено нами. — А. С.).

С понятием «дикий» связано что-то непокорное и звериное. Но в сочетании со словом «вдохновение» оно наполняется новым смыслом от первичного понятия остается лишь ощущение силы и добавляется впечатление душевного размаха и богатой эмоциональности натуры говорящего.

В «Пропущенной главе» Гринев-Булавин встретился с плывущей виселицей, на которой среди казненных был «русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет двадцати» (8, 376). Здесь внешне нейтральные по эмоциональной окрашенности эпитеты «сильный и здоровый» наполняются дополнительным глубинным смыслом. Понятия «сильный и здоровый малый» и «виселица» настолько противоположны и внутренне несоотнесены, что не могут не рождать чувства протеста.

В художественном освещении персонажей из народа и крестьянского восстания в целом эпитеты играют важную роль. В «Капитанской дочке» они не только помогают более глубоко проникновению в социальную сущность воссоздаваемых картин, но являются также активным началом, формирующим эмоционально-эстетическое восприятие произведения.

В «Капитанской дочке» картина народного восстания нарисована цельно и широко, но она складывается из множества отдельных эпизодов и сцен, где в действие включается множество эпизодических лиц. Такое художественное решение подсказывала сама тема. Показ движения широких народных масс ограничивал возможности индивидуализации образов.

Специфика композиции романа художественно оправдывала сосредоточение всего внимания на образе вожака восстания — Пугачева. Но в связи с этим картины народного быта в его неизбежных взаимоотношениях с помещиками, друг с другом, его мирный труд и будни почти не были затронуты.

Особенности изображения народа, как и других сторон русской действительности, в прозаических произведениях Пушкина определяются и спецификой его таланта.

Исследователи творчества Пушкина достаточно широко и полно выявили основные специфические черты его художественных произведений в стихах, драматургии и прозе. Но проблема анализа самого процесса формирования его реализма,

процесса неуклонного углубления психологической и социальной детерминированности создаваемых им характеров, все более широкого привлечения разных сфер окружающей действительности в качестве обстоятельств, определяющих и раскрывающих сущность характера, лишь в последние годы привлекает к себе пристальное внимание ученых.

Исследуя структуру реалистических образов в творчестве Пушкина, А. Лежнев так определяет основные черты пушкинской типизации: «Он не рассматривает своих героев как объекты исследования, как любопытные живые механизмы..., но он дает лишь самую общую психологическую мотивировку, уточняя и конкретизируя ее действием. Она у него не развернута, а только намечена»²⁴.

Если в художественной разработке характеров Онегина, Ленского, Татьяны Лариной, Дубровских, Троекурова, Гринева мы встречаем более или менее развернутую психологическую и социальную мотивированность героев, то в изображении крестьянства, за исключением образа Пугачева, мотивирование характеров окружающими их обстоятельствами, действительно, только намечено.

Рассматривая творчество Пушкина как родоначальника критического реализма в русской литературе, А. Лежнев делает справедливый вывод: «Пушкинский анализ скуп не оттого, что Пушкин сторонится психологизма, а оттого, что литература еще не дошла до него»²⁵.

* * *

Тема народной жизни не только в современной Пушкину литературе, но и почти в течение целого десятилетия после его гибели не привлекала широкого внимания писателей. В основных журналах «Современник», «Библиотеке для чтения», «Москвитянин» редкие произведения о крестьянах тонули в потоке псевдоисторических и светских произведений. В тех же случаях, когда эта тема бралась, она освещалась в духе карамзинской чувствительности и официальной народности.

Вопросы взаимоотношения крестьян и помещиков в повестях о народной жизни, за исключением отдельных повестей прогрессивных писателей, не затрагивались, а если и затрагивались, то освещались в духе триединой уваровской формулы. В романе Н. Мышецкого «Сицкий, командир фрегата» на вопрос офицера о хозяине дома денщик отвечает: «Как же, Ваше высокоблагородие, нельзя не знать барина и барыню; за них надобно класть поклон Богу каждое утро, уж такие добрые, ах, ты, Господи!

Да и люди-то у них такие же как баре, ну вот так и ухаживают за нами»²⁶.

Достаточно вспомнить кучера Антона из «Дубровского» с

его оценкой Троекурова и окружающих помещиков, чтобы увидеть, насколько необычно ново и исторически правдиво были намечены пути художественного решения народной темы в прозе А. С. Пушкина

Любопытно, что не только в художественных произведениях жизнь крестьян изображалась в идиллических красках. В журнале «Москвитянин» за 1841 (часть IV) помещен отчет о посещении поместья министра просвещения Уварова села Поречье, где о взаимоотношениях его со своими крестьянами рассказано так: «Лишь только хозяин с гостями своими вышел на террасу, все поселяне и поселянки, старые и молодые, угощаемые баринном, смешались перед домом, грянули дружно плясую, и ретивое сердце парней и девиц не выдержало — пустились плясать. Пляска сменялась хороводами. Славили и величали добрые крестьяне добрейшего своего барина; разгулье и довольство их радовали его и восхищали»²⁷.

Народность творчества А. С. Пушкина, его демократический гуманизм выявляется особенно наглядно в сравнении с господствующими в его время взглядами на историческую роль народа. В высказываниях государственных деятелей, историков, писателей того времени о народе преобладали ноты пренебрежения и одновременно страха перед ним. О звериных инстинктах народа писали не только реакционеры типа Булгарина, Сенковского или Уварова. Такая оценка народа постоянно проскальзывает во многих статьях и сочинениях на исторические темы.

«Принудить толпу, — писал в «Современнике» К. Петерсон, — к поступку великодушному не всегда удается, заставить ее поступить благородно — трудно, почти донельзя; но скажите толпе: «бей и грабь» и она бросится с криками благодарности, восторга и бешенства, и начнет грабить и убивать сперва врагов, а потом доберется и до приятелей... Толпа, когда ей развяжут руки, ужасна. Это тигр, который хочет крови до пресыщения. Толпа хороша, пока ею управляешь; повиноваться ей, значит сделаться жертвой»²⁸.

Пушкин глубоко понимал социальные причины Пугачевского бунта и современных ему народных волнений. Не веря в положительное решение социальных проблем посредством народного восстания, он тем не менее донимал их неизбежность при крепостническом строе и оправдывал народный протест.

Пушкин был убежден, что без освобождения крестьянства от крепостной зависимости и без широкого образования народа коренные изменения в его жизни невозможны. Позднее эта мысль была подхвачена и развита Белинским и его сподвижниками по «натуральной школе». Но и идеологи крепостничества понимали, что народное образование неизбежно ве-

дет к свободомыслию, к осознанию социального неравноправия классов.

В журнале «Маяк», который в борьбе с новыми веяниями в русской литературе отстаивал официозные, верноподданические позиции, П. Сумароков писал: «Иные проповедуют противное, то есть общее безусловное просвещение, без которого будто и дышать нельзя свободно. Подумаешь, что они хотят смешать все сословия, раздуть возмущение, чтобы самим среди безначалия прodrаться сквозь толпу. Взгляните на Францию, где кучер читает газеты, поденщик, горничная справляются, что делается в Америке. И что же там? Развращенные нравы, убийства, измены, тревоги и междоусобия. Поселяне, без руководителей, предпочтут вольнодумные, потрясающие веру книги поучительным, соскучаться своим званием, захотят в патриции»²⁹.

Как видим, П. Сумароков всеобщее образование прямо связывает с вольнодумством и возмущениями. Настойчивые призывы «Маяка» наполнить «сердце любовью ко всем элементам русской жизни: к русскому богу, к русской церкви, к русскому государю, к русским обычаям, к русской философии, к русскому быту»³⁰ оборачивались в публицистике открытым призывом к защите своекорыстных интересов дворян-крепостников.

В противоположность Булгариным, Гречам и Шевыревым каждая строчка Пушкина в его художественных произведениях и публицистике говорит о неизменном и подлинном уважении к своему народу. Оценивая крестьянские бунты как разрушительную стихию, Пушкин одновременно обнаруживает в русском народе и созидательные исторические силы, глубокую поэтичность его души и устного творчества, высокую нравственность и духовную красоту. В своих оценках народа Пушкин на много опередил современную ему историческую науку и литературу.

Выявление специфики художественного решения характера представителя трудового народа в его социальной детерминации в 30-е годы и в первую очередь в «Капитанской дочке» Пушкина должно помочь перспективному уяснению важнейших сторон в эстетике и поэтике последующего этапа в развитии критического реализма.

«Со временем,—замечает Кулешов,—стало общим местом указание на то, что натуральная школа — результат влияния трех гениев. Но эти указания носили обычно самый общий характер... В каком отношении натуральная школа находится к общему пафосу творчества Пушкина и Лермонтова, это не выяснялось»³¹. К сожалению, сам исследователь в выявлении пушкинских традиций в натуральной школе ограничился бег-

лыми и общими замечаниями, а о «Капитанской дочке» даже не упоминает.

Считая выдающимся достижением натуральной школы глубокую разработку народной темы, что привело к критическому пересмотру всех сфер русской жизни, Кулешов справедливо придает этому факту важнейшее методологическое значение. «Но изображение крестьянской темы,—пишет он,—не было простым, плоским копированием того, что есть. Тут дело не в одной гражданской смелости. Открывались новые перспективы перед гуманизмом школы, ее художественным мастерством. Дойдя «до корня», она начинала заново осмыслять всю систему русской жизни. Вот почему крестьянская тема — вершина новаторства натуральной школы»³².

Но ошибочно полагая, что только писателям натуральной школы пришлось впервые «ставить новую, крестьянскую тему в литературе»³³, исследователь невольно разрывает кровные связи Пушкина с натуральной школой в самых существенных идейно-эстетических вопросах.

В 40-е годы на первое место в русской литературе выходит тема народа, наложившая неизгладимую печать на художественное осмысление всех сфер жизни. Но величайшей заслугой предшествующего этапа литературы является реалистическая постановка проблемы характера и социальных обстоятельств в создании образов трудового народа. Трудно переоценить художественное и общественно-политическое значение «Капитанской дочки» Пушкина в реалистическом освоении сферы народной жизни. Стремление прогрессивной мысли 30-х годов к осознанию идейно-эстетической сути народного идеала в «Капитанской дочке» не только завершилось гениальным художественным обобщением поисков и находок многих писателей, но и получило качественно новую трактовку.

Произведениями Пушкина, Гоголя и других писателей образы русских мужиков были введены в литературу, а тема народной жизни была утверждена как важнейшая среди других, хотя еще в 30-е годы и не стала господствующей. Универсальность изображения того или иного социального типа предусматривает многовариантность и разнообразие индивидуализации его художественного воплощения. Но дело не только в количестве созданных к этому времени литературных персонажей крестьян. Если сравнить по глубине художественного воспроизведения образы крестьян в «Дубровском» и «Капитанской дочке» Пушкина, в произведениях Гоголя, в повестях Погодина, Полевого, Даля с образами представителей господствующего класса в их же творчестве, то отставание в художественном освоении сферы народной жизни становится очевидным. По многоплановости изображения человеческого

характера, по относительной полноте мотивирующих обстоятельств, по глубине психологической индивидуализации, т. е. по всей совокупности художественных компонентов создания персонажа образы представителей трудового народа уступают всем остальным.

Эту особенность в развитии критического реализма отметил Максимов. «Интерес к «человеку из народа»,—пишет он,—явление, которое возникло в западноевропейской и русской словесности в эпоху формирования и роста буржуазно-демократической идеологии. Однако социально-определенные образы простых людей — представителей трудовых масс, крестьян, ремесленников, разночинцев, мелких буржуа,—вошли в литературу далеко не сразу»³⁴.

Основную причину такого изображения людей труда исследователь видит в том, что «господствующее стремление к идеализации, «очищению» действительности приводило к тому, что простой человек в течение долгого периода мыслился и отображался абстрактно, в отчуждении от своих социальных признаков»³⁵.

Соглашаясь с этим справедливым замечанием, необходимо отметить следующее: трудность и сложность становления народной темы и разработки реалистического характера крестьянина в русской литературе была связана с коренным переосмыслением содержания эстетического идеала.

Социальная сущность положительного идеала в изображении представителей передового дворянства в просветительском реализме, в революционном романтизме и на первом этапе критического реализма (Чацкий, Гринев, Татьяна Ларина) принципиально не изменилась. При качественной разнице художественного воплощения основу идеала просвещенного дворянина составляли общечеловеческие качества, осмысленные в духе просветительской философии: гуманное отношение к людям социальных низов, преданность долгу, внутренняя культура, честность и т. д.

Художественное уяснение исторической роли народа и его социального положения с позиций критического реализма привело к необходимости рассматривать окружающую действительность и в первую очередь крепостнические взаимосвязи, с точки зрения классовых отношений. С обнаружением социальной противопоставленности крестьян дворянству романтическая общенациональная идея народности оказалась явно несостоятельной. Новый художественный метод, предполагающий объективно-исследовательский подход к окружающим социальным обстоятельствам жизни, требовал не абстрактно-морального сочувствия народу, а более или менее четкой по-

зиции автора при оценке важнейших сторон современной действительности.

Впервые мысль о противоположности интересов трудового народа и правящих классов высказал в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев и в ответ на угнетение помещиков и самодержавного строя в целом призвал народ к революции. Пушкин не признавал крестьянскую революцию в качестве способа решения социальных проблем, но зато в «Капитанской дочке» с предельной художественной убедительностью показал крестьянскую войну как объективный результат антагонистических взаимоотношений народа и правительства, а свою любовь и сочувствие отдал трудовому крестьянству. Хотя этот подлинно народный взгляд гениального поэта на важнейшее историческое событие оказался не понятым современниками из-за специфики формы художественного выражения. «Капитанская дочка» является первым произведением, где проблема народности была художественно воплощена в духе учения Белинского 40-х годов.

---

¹ См.: С. М. Петров. Реализм. М., «Просвещение», 1964; А. И. Ревякин. Проблема типического в художественной литературе. М., Учпедгиз, 1959; Б. Сучков. Исторические судьбы реализма. М., «Сов. писатель», 1967; У. Р. Фохт. Пути русского реализма. М., «Сов. писатель», 1963; Я. Эльсберг. Основные этапы русского реализма. М., ГИХЛ, 1961, и др.

² Формирование реалистического характера персонажей из народа в трагедии «Борис Годунов» и романе «Дубровский» прослеживается автором в другой работе.

³ Н. В. Измайлов. Капитанская дочка. Сб.: «История русского романа», т. 1. М.—Л., АН СССР, 1962, стр. 192—193.

⁴ Е. Н. Купрянова. Ленин и периодизация русской литературы XIX века. Сб.: «Проблемы реализма русской литературы XIX века». М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 32.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, АН СССР, 1937—1959, стр. 375; далее при цитировании ссылки даются в тексте, первой цифрой обозначен номер тома, второй — страница.

⁶ М. Мальцев. Тема крестьянского восстания в творчестве А. С. Пушкина. Чебоксары, 1960, стр. 8—9.

⁷ Там же, стр. 186.

⁸ Там же, стр. 214.

⁹ Там же, стр. 216.

¹⁰ Ю. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки». «Пушкинский сборник». Псков, 1962, стр. 17.

¹¹ Там же, стр. 6.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 7.

¹⁴ Там же, стр. 16.

¹⁵ Там же, стр. 16—17.

¹⁶ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., ГИХЛ, 1957, стр. 377.

¹⁷ Н. М. Владимирская. Пугачевское восстание в художествен-

ной прозе Пушкина и Лермонтова. «Пушкинский сборник» Псков, 1968, стр 54.

18 Д. Благоей. А. С. Пушкин М, 1949, стр. 89.

19 Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха М., ГИХЛ, 1953, стр. 640.

20 С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. М., АН СССР, 1953, стр. 121.

21 См.: Д. Благоей. Мастерство Пушкина. М., «Сов писатель», 1959; Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля М., ГИХЛ, 1957; Б. Мейлах. Художественное мышление Пушкина. М.—Л., АН СССР, 1962; С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. М., АН СССР, 1953

22 См. Л. Лежнев. Проза Пушкина М., ГИХЛ, 1966, Н. М. Степанов. Проза Пушкина М., АН СССР, 1962; А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., ГИХЛ, 1963

23 В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, стр. 248

24 А. Лежнев. Проза Пушкина М., ГИХЛ, 1966, стр. 190

25 Там же, стр. 192.

26 «Маяк», 1840, ч. 4, СПб., стр. 257.

27 «Москвитянин» 1841, ч. 5, № 9, М., стр. 188—189.

28 «Современник». 1842, т. 26, нумерация 2-я, СПб., стр. 6

29 «Маяк» 1841, ч. XII—XVI. СПб., стр. 225

30 «Маяк». 1840, ч. 2. СПб., стр. 43.

31 В. И. Кулешов. Натуральная школа в русской литературе М., 1965, стр. 157.

32 Там же, стр. 241

33 Там же, стр. 242

34 Д. Максимов. Тема простого человека в лирике Лермонтова. Сб. «О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы». М.—Л., 1960, стр. 209

35 Там же, стр. 210.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

Ученые записки

№ 405

ВОПРОСЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1970